

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Т.Я. Хабриева

ПРАВО В РЕАЛИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Монография

Норма
ИНФРА-М
Москва, 2025

УДК 340.1
ББК 67.022
X12

znanium.com
электронно-библиотечная система

Об авторе:

Талия Ярулловна Хабриева — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заместитель президента Российской академии наук (РАН), академик-секретарь отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан

Рецензент:

Владислав Александрович Лекторский — академик Российской академии наук (РАН), академик Российской академии образования (РАО), доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, председатель Научного совета при Президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований (НСМИИ РАН)

Хабриева Т.Я.

X12 **Право в реалиях технологической революции** : монография / Т.Я. Хабриева. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 168 с. — DOI 10.12737/2184987.

ISBN 978-5-00156-406-5 (Норма)

ISBN 978-5-16-020591-5 (ИНФРА-М, print)

ISBN 978-5-16-113490-0 (ИНФРА-М, online)

В монографии представлено авторское видение взаимосвязи научно-технологического прогресса и рациональной картины права в ретроспективе и перспективе их взаимного отражения. Дана характеристика процесса правовой институционализации нового технологического уклада, потенциальных и реальных изменений в праве на современном этапе научно-технологического развития, показаны возможные сценарии его трансформации в будущем. Развивается концепция регуляторного цикла, раскрывается процесс становления новой «парадигмы» эволюции права, обуславливающий коррекцию его идейных оснований и фундаментальных принципов. Подтверждается вывод о сохранении регуляторного потенциала права в условиях текущей технологической революции и трансформации общественного порядка.

Для широкого круга читателей — ученых-правоведов и представителей иных отраслей науки, практикующих юристов, в том числе в области законотворчества, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов.

УДК 340.1
ББК 67.022

ISBN 978-5-00156-406-5 (Норма)

ISBN 978-5-16-020591-5 (ИНФРА-М, print)

ISBN 978-5-16-113490-0 (ИНФРА-М, online)

© Хабриева Т.Я., 2024

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

T.Y. Khabrieva

**LAW
IN THE REALITIES
OF THE TECHNOLOGICAL
REVOLUTION**

Monograph

Norma
INFRA-M
Moscow, 2025

About the author:

T.Y. Khabrieva — Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

The reviewer:

V.A. Lektorsky — Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Scientific Council at the Presidium of the Russian Academy of Sciences on the Methodology of Artificial Intelligence and Cognitive Research (NSMII RAS)

Khabrieva T.Y.

Law in the Realities of the Technological Revolution :
monograph / T.Y. Khabrieva. — Moscow : Norma : INFRA-M,
2025. — 168 c. — DOI 10.12737/2184987.

ISBN 978-5-00156-406-5 (Norma)

ISBN 978-5-16-020591-5 (INFRA-M, print)

ISBN 978-5-16-113490-0 (INFRA-M, online)

The monograph presents the author's vision of the relationship between scientific and technological progress and the rational picture of law in retrospect and in the perspective of their mutual reflection. The characteristics of the process of legal institutionalization of the new technological order, potential and real changes in law at the present stage of scientific and technological development are given, possible scenarios of its transformation in the future are shown. The author's concept of the regulatory cycle is developed, the process of formation of a new "paradigm" of the evolution of law, which determines the correction of its ideological foundations and fundamental principles, is revealed. The conclusion about the preservation of the regulatory potential of law in the context of the current technological revolution and transformation of public order is confirmed.

For a wide range of readers – legal scholars and representatives of other branches of science, practicing lawyers, including in the field of lawmaking, teachers, postgraduate students, students of law schools and faculties.

ISBN 978-5-00156-406-5 (Norma)

ISBN 978-5-16-020591-5 (INFRA-M, print)

ISBN 978-5-16-113490-0 (INFRA-M, online)

© Khabrieva T.Y., 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Глава 1	
Научно-технологический прогресс и рациональная картина права: ретроспектива взаимного отражения	19
Глава 2	
Перспективы правовой институционализации нового технологического уклада в современном юридическом дискурсе	59
Глава 3	
Потенциальные и реальные трансформации права на современном этапе научно-технологического развития	76
Глава 4	
Правовая институционализация технологий: в поисках регуляторной модели	125
Глава 5	
Регуляторный цикл в контексте развития юридической доктрины и правового опосредования научно-технологического прогресса	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161

CONTENTS

PREFACE	9
Chapter 1 Scientific and technological progress and the rational picture of law: a retrospective of mutual reflection	19
Chapter 2 Prospects for legal institutionalization of the new technological order in modern legal discourse	59
Chapter 3 Potential and actual transformations of law at the present stage of scientific and technological development	76
Chapter 4 Legal institutionalization of technologies: in search of a regulatory model	125
Chapter 5 Regulatory cycle in the context of development of legal doctrine and legal mediation of scientific and technological progress	145
CONCLUSION	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние десятилетия во всем мире интенсивно идет внедрение технологических новаций в различные сферы общественной жизни. Условия научно-технологического прогресса складываются постепенно, в ходе разнонаправленного действия факторов объективного и субъективного характера. Они, помимо прочего, являются результатом приращения обществоведческого научного знания, в рамках которого зарождаются и реализуются парадигмы познания, позволяющие обществу принять новые технологии и определиться с вектором своего развития исходя из возможностей их применения. В фокусе внимания ученых находится совокупность обстоятельств, при наличии которых технологии рассматриваются в качестве обособленного фактора общественной жизни, принципиально изменяющего ее траекторию. Совокупность таких условий в монографии именуется технологическим императивом¹ и рассматривается в его проекциях применительно к праву и юриспруденции.

Следует подчеркнуть, что научно-технологическим процессам и обусловленному ими императиву не придается значения единственной причины правовой эволюции. Напротив, их надлежит осмысливать в контексте изучения иных условий формирования правовой реальности, обеспечения действительности права.

Связь науки, технологий и общества является очевидной, не требующей специальной аргументации. Однако актуальным остается поиск ответа на вопрос, каким образом данная связь находит отражение в праве как универсальном социальном регуляторе и в его познании.

Анализ научно-технологического развития и его влияния на все сферы общественной жизни достаточно широко представлен в социологической, философской и экономической науках XX–XXI вв. За рубежом существует общепризнанный перечень цитируемых в связи с этим авторов. Это уже несколько поколений ученых. К чи-

¹ Термин «императив» в данном случае заимствован у И. Канта (см.: *Кант И. Основы метафизики нравственности*. М., 2023; *Его же*. Критика практического разума. М., 2019), который, вероятно, ввел его, основываясь на понятийно-категориальном аппарате лингвистики.

слу первых относят Д. Белла¹, Э. Тоффлера² и А. Турена³, исследования в этой сфере продолжили М. Кастельс⁴, М. Маклюэн⁵, Й. Масуда⁶, Ф. Махлуп⁷, М. Порат⁸, Т. Стоуньер⁹ и др.

Прошрое столетие характеризуется кардинальным расширением познания практически во всех направлениях и возникновением новых областей знания. Предыдущие технологические императивы характеризовались тем, что лежащие в их основе инновации были прикладными, имели относительно узкую сферу использования, а область применения современных технологий наиболее общим образом может быть определена как само знание. Результатом текущего этапа научно-технологического развития можно считать принципиальное изменение общественных отношений на рубеже XX и XXI вв., которое некоторыми представителями социологической науки характеризуется как переход от индустриального общества к информационному¹⁰. Иными словами, подразумевается изменение способа общественного производства, сопоставимое по значению с аграрной (неолитической) и промышленной революциями. Происходит качественное изменение человеческого капитала и социальной структуры общества. Трансформируются принципы и механизмы социального управления и использования ресурсов, связанные

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.

² См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999; *Его же*. Шок будущего. М., 2002; *Его же*. Метаморфозы власти. М., 2003.

³ См.: Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М., 1998; *Его же* (Touraine A.). The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. New York: Random House, 1971.

⁴ См.: Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016; *Его же*. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; *Его же*. Могушество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.

⁵ См.: Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

⁶ См.: Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington.: World Future Soc, 1983.

⁷ См.: Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962.

⁸ См.: Porat M.U. The Information Economy, US Department of Commerce. Washington, DC, 1977.

⁹ См.: Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 392–409.

¹⁰ См.: Тоффлер Э. Указ. соч. С. 6.

со снижением частных и социальных издержек. Совокупность указанных обстоятельств повлекла за собой синергетический эффект, предполагающий формирование новой системы общественных отношений, что, в свою очередь, неизбежно должно привести к преобразованию права на всех уровнях (наднациональном и транснациональном, национальном и субнациональном).

Особенность современного этапа развития социальной регуляции в целом и права в частности состоит в том, что общественное осознание влияния технологических инноваций, обуславливающих трансформацию правопорядка, начинается задолго до массового внедрения соответствующих технологий и до приобретения ими качества практической применимости.

Так, в начале 1940-х гг., когда в Германии и США только создавались первые устройства, которые условно могут быть названы электронно-вычислительными машинами (компьютерами), а именно с появлением таких устройств, освобождающих человека от ряда трудовых функций, связан современный технологический императив, американский писатель-фантаст А. Азимов предложил три закона робототехники¹. Эти законы не только были заимствованы многими писателями-фантастами (как непосредственно, так и путем их опровержения), но и во многом определили направление и характер этического и правового дискурса в данной сфере, стали отправной точкой возникновения современного технологического императива социальной регуляции.

Теоретическое осознание данного императива началось в начале XX в., когда в 1933 г. советским ученым В.А. Котельниковым была предложена и доказана теорема², ставшая известной как теорема Котельникова — Шеннона³. Именно с помощью нее впервые мате-

¹ Законы гласят: 1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат первому закону; 3) робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит первому или второму законам. В дальнейшем А. Азимов формулирует и нулевой закон: робот не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред.

² См.: *Котельников В.А.* О пропускной способности «эфира» и проволоки в электросвязи: материалы к I Всесоюзному съезду по вопросам технической реконструкции дела связи и развития слаботочной промышленности. М., 1933.

³ Данная теорема в русскоязычной литературе известна как теорема Котельникова, а в англоязычной — как теорема Найквиста — Шеннона. Теоретические и эмпирические предпосылки доказательства данной теоремы были разработаны

матически точно в аспекте информационно-коммуникационных технологий сформулирован и доказан общий принцип цифровой обработки сигналов.

Текущий этап научно-технологического развития по своей структуре принципиально отличается от предыдущих. Ранее известные технологические императивы (этапы научно-технологического развития) формировались на основе некоего инсайта¹, который только впоследствии приобретал теоретическое обоснование. Соответственно и поиск регуляторных практик происходил пост-фактум, когда конкретный научно-технологический результат не только был получен, но и начинал активно применяться. Например, появление железных дорог, которые стали массово внедряться в начале XIX в., обусловило возникновение в конце этого века правового понятия «источник повышенной опасности», предполагающего игнорирование вины владельца такого источника при возмещении вреда, причиненного в результате деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих².

в 1928 г. Г. Найквистом. К. Шеннон в 1949 г. доказал ее независимо от В.А. Котельникова. Она предполагает, что любую функцию $F(t)$, состоящую из частот от 0 до f_1 , можно непрерывно передавать с любой точностью при помощи чисел, следующих друг за другом менее чем через $1/(2f_1)$ секунд (см.: Биккенин Р.Р., Чесноков М.Н. Теория электрической связи. М., 2010).

- ¹ От англ. *insight* — озарение, внезапное осознание решения определенной задачи.
- ² Попытки разрешения соответствующей правовой проблемы были обусловлены научно-техническим прогрессом, интенсификация которого характерна для XIX в. Многочисленные технологические нововведения того времени наряду с иными факторами повлекли девальвацию принципа вины в гражданском праве (см., например: Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада / предисл. и науч. ред. Е.А. Суханова. М., 1992. С. 92–104). Фактическое игнорирование данного принципа при привлечении к ответственности за причинение вреда владельцами «опасных объектов» (прежде всего, железнодорожных) было характерным для английских судов уже в первой половине XIX в. На законодательном уровне соответствующая норма была предусмотрена в 1838 г. прусским законом «О железных дорогах». Вскоре аналогичные законы были приняты и в других немецкоговорящих государствах, например в Австрии в 1869 г. После образования Германской империи был принят общеимперский закон «Об ответственности», сохраняющий силу до настоящего времени. Среди источников повышенной опасности именно железные дороги поименованы первыми и в ст. 404 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.

Сама идея источника повышенной опасности как некоторое этическое оправдание привлечения к ответственности того, кто оказался лишь случайной и невольной причиной вреда, была предложена и теоретически обоснована немецким юристом М. Рюmeliном, подчеркивавшим, что «*тот, кто своей деятельностью повышает опасности для окружающих свыше обычного уровня, должен нести на себе и ответственность за это повышение*» (цит. по: Покровский И.А.

Текущий технологический императив не только был теоретически осмыслен задолго до начала активного внедрения новейших технологий, но и его доктринальное (научно-правовое) сопровождение, соответствующая законодательная и правоприменительная практика стали формироваться до того, как произошло практическое освоение соответствующих технологий. Таким образом, научно-технологическое развитие приобрело превентивно-прогностическую функцию, имеющую помимо прочего свою проекцию в праве¹.

На доктринальном уровне при формировании законодательных и правоприменительных решений достаточно давно идет поиск ответов на вопросы, обусловленные влиянием современного этапа научно-технологического развития на право. В настоящее время это развитие оказывает беспрецедентное давление на правовую реальность и действительность права, что требует определения перспектив правового регулирования. Однако ответ на вопрос, каким право будет в будущем, может быть получен, только если по-новому взглянуть и на юриспруденцию.

Ранее аналогичную по значимости трансформацию право переживало только однажды — в период перехода от его устной (вер-

Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. С. 285). Во французской правовой доктрине данная задача решалась через идею риска: всякий, кто действует, должен нести на себе риск за все случайные последствия своей деятельности (см.: *Покровский И.А.* Указ. соч. С. 289–285).

Формирование устоявшихся правоприменительных и законодательных практик в отношении ответственности владельцев железнодорожных предприятий и иных источников повышенной опасности приходится на середину XIX в., а доктрины — на его конец. Так, приведенная цитата М. Рюмелина датируется 1910 г. В свою очередь, первое упоминание о железной дороге в Англии относится к Воллатонской рельсовой дороге сэра Френсиса Виллафби в Ноттингемшире. Данная дорога была построена в 1603–1604 гг. В 1821 году английским парламентом был одобрен акт о строительстве железной дороги между Стоктоном и Дарлингтоном, предполагавший ее функционирование на смешанной тяге (с использованием паровозов, тросов, гужевой тяги). Открывшаяся же осенью 1830 г. линия «Ливерпуль — Манчестер» предполагала уже использование исключительно паровозов. В Германии первая железная дорога промышленного назначения появилась в конце XVIII в. в Рурском бассейне. Первый немецкий паровоз был построен в 1816 г. на Королевском литейном заводе в Берлине. Первая железнодорожная линия гражданского назначения в Баварии в 1834 г. соединила Нюрнберг и Фюрт.

¹ О превентивно-прогностической функции права см., например: Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / отв. ред. *Ю.А. Тихомиров*; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2022.

бальной) формы к письменной, точнее — письменно-устной. Первоначально основным источником права был обычай (*mores maiorum*), предполагавший вербальную передачу правил (моделей) поведения из поколения в поколение, формирование правовых паттернов. Сделки и публичные акты совершались устно. Судопроизводство начиная с предъявления иска и заканчивая вынесением вердикта отправлялось аналогичным образом. Позже доминирующими стали письменные средства формирования и реализации права. В качестве основного источника права утвердился закон (статут), который предусматривает уже письменное закрепление соответствующих правил (моделей) поведения (на камне, глиняных табличках, деревянных или медных досках, пергаменте, папирусе, бересте или бумаге). Письменно совершаются сделки и публичные акты. Наконец, и судопроизводство приобретает письменно-устную форму.

Современная трансформация права сопоставима с рассмотренной выше по значению. Те правовые новации, свидетелями которых мы являемся, более масштабны по глубине и характеру. При этом они внедряются практически одновременно во всем мире со скоростью, не имеющей исторических прецедентов. Последняя настолько высока, что ученые-юристы не успевают осмысливать происходящие изменения, но у них создается иллюзия того, что такое осмысление уже произошло. Первые научные публикации по данной проблематике начали появляться в конце 1940-х гг.¹ На протяжении последующих десятилетий она стала предметом многочисленных отечественных и зарубежных исследований². В 1967 году

¹ См., например: *Loevinger L.* (1949) *Jurimetrics — The Next Step Forward* // *Minnesota Law Review*. 1949. Vol. 33. № 5. P. 455–493.

² См., например: *Mehl L.* (1958) *Automation in the Legal World: From the Machine Processing of Legal Information to the “Law Machine”* // *Mechanisation of Thought Processes: Proceedings of a Symposium Held at the National Physical Laboratory on 24th, 25th, 26th and 27th November 1958*. 1959, Vol. II: Her Majesty’s Stationery Office, London. P. 755–787; *Currie B.* (1958) *Survival of Actions: Adjudication Versus Automation in the Conflict of Laws* // *Stanford Law Review*. P. 205–252; *Buchanan B.G.*, *Headrick T.E.* (1970) *Some Speculation about Artificial Intelligence and Legal Reasoning* // *Stanford Law Review*. 1970. Vol. 23. № 1. P. 40–62; *Керимов Д.А.* *Право и кибернетика* // *Советское государство и право*. 1964. № 9. С. 86–94; *Вопросы кибернетики и право: сборник статей* / отв. ред. *В.Н. Кудрявцев*. М., 1967; *Проблемы правовой кибернетики: материалы симпозиума* / под общ. ред. *В.Н. Кудрявцева и А.Р. Шляхова*. М., 1968; *Правовая кибернетика: сборник статей* / отв. ред. *В.Н. Кудрявцев*. М., 1970; *Основы правовой кибернетики: учеб. пособие для юрид. вузов* / под ред. *Н.С. Полевого и А.Р. Шляхова*. М., 1977; *Основы правовой*

академик В.Н. Кудрявцев утверждал, что основные задачи в большинстве своем решены, а связанные с ними вопросы утратили дискуссионность¹. Полагаем, на тот момент подобная категоричность была несколько преждевременной. Было рано говорить не только о решении большинства задач, но даже об их постановке, тем более об окончании научной дискуссии. Диалектика познания предполагает, что решение одной познавательной задачи, как правило, порождает ряд новых, и сейчас нельзя признать, что рассматриваемый предмет познания определен в полном объеме, а научная полемика завершена. По основным направлениям изучения права в контексте современного этапа научно-технологического развития она только начинается.

А.Б. Венгеров на основе анализа специфики функционирования социальной информации в сфере управления народным хозяйством выдвинул тезис о существовании особого вида общественных отношений — информационных². Их возникновение, по его мнению, прослеживалось в выделении особого направления деятельности, осуществляемой в области государственного управления. По своей природе они отличаются от собственно управленческих отношений, предметом которых являются принятие и исполнение административных решений, реализация исполнительно-распорядительных функций. Предмет же информационных отношений составляют различные операции с информацией, которые призваны обеспечивать административно-хозяйственную деятельность³.

Д.А. Керимов в целях совершенствования законодательной системы, укрепления законности и режима правопорядка в обществе

кибернетики. М., 1976; Основы применения кибернетики в правоведении / под ред. Н.В. Витрука, Н.С. Полевого. М., 1977; Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: теоретические проблемы. М., 1978; Венгеров А., Лавров В. Юридическая сила машинных документов // Хозяйство и право. 1981. № 10. С. 82–85; Венгеров А.Б. Научно-технический прогресс и применение права // Правоведение. 1983. № 3. С. 22–28; Кибернетика и право: сборник материалов методол. семинара. М., 1984.

- 1 См.: Кудрявцев В.Н. О программировании процесса применения норм права // Вопросы кибернетики и право: сборник статей / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1967. С. 84–99.
- 2 См.: Венгеров А.Б. Право и информационное обеспечение АСУ // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 28–36.
- 3 См.: Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы). М., 1978. С. 47. А.Б. Венгеров являлся одним из ведущих ученых ВНИИСЗ (в настоящее время — ИЗИСП) в 1960–1980-е гг.

призывал к незамедлительному внедрению компьютерных систем в процесс законотворчества и правореализации¹. Вместе с тем позже он уже предостерегал от рисков, которые несут эти технологии². В наши дни, когда использование электронно-вычислительной техники, информационных систем и информационно-коммуникационных технологий стало обыденностью, сопряженные с этим угрозы становятся все более очевидными. Юристам и представителям технических наук только предстоит найти средства их нейтрализации.

Реализацию современного технологического императива во всем его многообразии следует рассматривать в качестве средства преодоления социально-экономической сингулярности³, с которой столкнулось человечество. Она служит предпосылкой общей трансформации системы социальной регуляции, в первую очередь этики и права, определяя переход последнего в новое — постсовременное — состояние. С познанием содержания и перспектив такого перехода сопряжен ряд задач философско-правового и методологического уровней. Без их решения специальные юридические вопросы, связанные с переосмыслением правовой защиты и регулирования общественных отношений, формированием новых управленческих практик, не могут быть корректно поставлены, а следовательно, не может быть создана модель постсовременного права, определена его роль в общественной жизни, релевантно представлена правовая реальность и раскрыта действительность права, рассмотрено правовое бытие самого человека⁴. Представляется, что именно в указанных рамках формируется новый правовой порядок, изменяются правовая доктрина, национальное зако-

¹ См.: Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001. С. 525.

² См.: Керимов Д.А. Проблемы общей теории государства и права. Тюмень, 2005. С. 56; *Его же*. Избранные произведения: в 3 т. М., 2007. С. 35.

³ См.: Хабриева Т.Я. Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. 2022. № 2(2). С. 256–270.

⁴ К проблематике правового бытия человека обращаются ведущие отечественные ученые-юристы (см., например: Тихомиров Ю.А. Загадки правового воздействия на процессы в окружающем мире // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 5–14; Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5–29; и др.). На необходимость таких исследований справедливо указывает В.Д. Зорькин (см.: Зорькин В.Д. Право и вызовы искусственного интеллекта: лекция на XII Петербургском международном юридическом форуме. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html>).

нодательство и международное право. В связи с этим появление эффективных правовых механизмов взаимодействия человека, общества и государства на основе технологических инноваций является самостоятельным направлением научных исследований в философии и теории права, в отдельных отраслевых юридических науках.

Современный этап общественного развития может быть определен как активная фаза модернизации общественных отношений под воздействием научно-технологического прогресса. Происходящие изменения в полной мере затрагивают функционирование государства и общества. Преобразования связаны с реализацией функций органов всех ветвей государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной), а также всех уровней публичной власти (наднационального, национального, регионального и локального). Они затрагивают производственный сектор, а также товарный, фондовый и валютный рынки.

В результате возникает новая правовая реальность и рациональная картина права, которые не имели исторических аналогов и нуждаются в глубоком научном осмыслении. Оно не может быть сведено к рассмотрению отдельных вопросов, а должно носить системный характер. Недопустимым представляется и его ограничение исключительно юридической проблематикой, так как оно охватывает и метаправовой (философский, мировоззренческий), и субправовой (организационно-правовой, организационно-технический) уровни.

Научно-технологическое развитие в области права и социальной регуляции детерминировано: 1) необходимостью создания философско-правовой, доктринальной и законодательной основы, организационных, организационно-правовых и организационно-технических условий формирования и реализации права нового типа; 2) принципиальной новизной модели организации права и публичной власти, учитывающей внедрение технологических инноваций; 3) отсутствием достаточного опыта предшествующих периодов развития права и государства; 4) нахождением законодательства нового типа на стадии зарождения.

Настоящая монография — продолжение исследований автора о будущем права. Ранее соответствующие научно-познавательные задачи решались при проведении исследований, в том числе в рамках проекта Российской академии наук «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный

подход»¹. Однако, как отмечалось, каждая решенная познавательная задача порождает ряд новых, и само развитие государственно-правовой реальности обуславливает постановку новых задач. Пришло время для исследования, которое, с одной стороны, станет итогом указанных научных изысканий, с другой — позволит расширить горизонты изучения трансформации права под воздействием научно-технологического развития.

¹ См.: Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. С. 5–16; *Ее же*. Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 138–153; *Ее же*. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права: наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Инфра-М, 2021; Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17; Chernogor N., Emelyanov A., Zaloilo M. The aesthetic doctrine of law (aesthetics of law) in the context of the development of NBICS technologies // Wisdom, Special Issue 1, Philosophy of law, 2021. P. 40–49; Черногор Н.Н., Емельянов А.С., Zaloilo М.В. К вопросу о когнитивности правопорядка и генезисе его основы // Вопросы истории. № 12. С. 159–169; Черногор Н.Н., Емельянов А.С., Zaloilo М.В. Государственные гимны в механизме кодирования правового поведения: исторический опыт России // Вопросы истории. 2021. № 4 (2). С. 43–54; Черногор Н.Н., Емельянов А.С., Zaloilo М.В. «Долговые кризисы» в мировой истории и когнитивность правопорядка: ретроспективная рефлексия // Вопросы истории. 2021. № 5 (2). С. 70–81; Черногор Н.Н., Емельянов А.С., Zaloilo М.В. Генезис постмодерна: к вопросу о функциональной идентификации в праве // Вопросы истории. 2021. № 6 (1). С. 185–194; Хабриева Т.Я. Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. 2022. № 2(2). С. 256–270; Черногор Н.Н., Емельянов А.С. Когнитивная основа правопорядка // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 5–14; Chernogor N., Emelyanov A., Zaloilo M. (2022) In Search of a New Methodology of Social Regulation and of Knowledge of Law: About Convergent Technologies and Aesthetics of Law // Wisdom 3(23), 2022. P. 234–241.

Глава 1

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И РАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА ПРАВА: РЕТРОСПЕКТИВА ВЗАИМНОГО ОТРАЖЕНИЯ

Научно-технологическое развитие имеет свою историю. Есть основания для различных периодизаций и интерпретаций особенностей его самостоятельных этапов. Начало современного этапа может быть датировано первой половиной XX в.¹ В контексте его влияния на социальную регуляцию, в том числе на право, а также на правовую доктрину процесс формирования последней можно условно разделить на три периода: 1) до 1991 г.; 2) 1991–2016 гг.;

¹ 1) 1920-е гг. — появление первых электрических перфокарточных вычислителей; 2) 1940-е гг. — появление первых транзисторных компьютеров, используемых в военных целях; 3) 1962 г. — теоретическое обоснование специалистами Массачусетского технологического института возможности обмена данными между несколькими ЭВМ; 4) 1965 г. — первое тестовое соединение между двумя компьютерами, находящимися в разных городах; 5) 1969 г. — создание первой сети, имеющей практическое (военное) назначение, — Agranet (США); 6) 1971 г. — на смену транзистору пришел микропроцессор; 7) 1973 г. — в США прекращено использование перфокарточных и транзисторных вычислителей и начинается эпоха массового использования микропроцессорных компьютеров; 8) 1976 г. — появление на рынке первого персонального компьютера с простым интуитивным интерфейсом — Apple-1; 9) 1979 г. — появление первых гражданских новостных групп в сети Agranet; 10) 1981 г. — начало производства массового персонального компьютера IBM на основе микропроцессора «Интел» и операционной системы MS-DOS; начало использования в Европе сети Agranet, переименование ее в Интернет, превращение ее в общедоступный протокол передачи данных TCP/IP; 11) 1983 г. — появление первого сервера, генерирующего имена сайтов; 12) 1989 г. — появление электронной почты; 13) 1990 г. — создание и внедрение языка HTML; 14) вторая половина 1990-х гг. — начало трансформации общественного устройства на основе информационных технологий; 15) 2000-е гг. — формулирование NBIC-инициативы и определение ее значения для общественного развития (см.: История отечественной электронной вычислительной техники. М., 2014; *Поваров Г.Н.* Истоки российской кибернетики. М., 2005; *Полунов Ю.Л.* От абака до компьютера: судьбы людей и машин. Книга для чтения по истории вычислительной техники в двух томах. М., 2004; *Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б.* Конвергенция наук и технологий и формирование новой ноосферы // *Российские нанотехнологии.* 2011. Т. 6. № 9–10. С. 5–14 и др.)

Научное издание

Талия Ярулловна Хабриева

**П Р А В О
В РЕАЛИЯХ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Монография

Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ

ООО «Юридическое издательство Норма»
109316, Москва, Волгоградский пр-т, 2
Тел. (495) 625-45-05. E-mail: norma@norma-verlag.com
Internet: www.norma-verlag.com

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru. Internet: www.infra-m.ru

Подписано в печать 25.12.2024.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации